

ИСТОРИИ

«Преступниками можно объявить кого угодно, хоть следственную группу» Речь Кирилла Серебренникова в Басманном суде. Расшифровка

12:28, 16 января 2018 · Источник: Meduza

Фото: Евгений Фельдман.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

16 января в Басманном суде рассматривается вопрос о продлении ареста бывшим руководителям «Седьмой студии» — Алексею Малобродскому, Юрию Итину и Кириллу Серебренникову. Их обвиняют в хищении бюджетных средств, выделенных на проект «Платформа». «Медуза» публикует расшифровку речи Кирилла Серебренникова, которую художественный руководитель «Гоголь-центра» произнес в суде.

Суд отказался изменить меры пресечения фигурантам дела «Седьмой студии». Кирилл Серебренников и Юрий Итин оставлены под домашним арестом до 19 апреля, Алексею Малобродскому продлен срок содержания в СИЗО тоже до 19 апреля.

Следствие обратилось с очередным ходатайством о продлении срока моего домашнего ареста — теперь до 19 апреля 2018 года, то есть на срок более чем восемь месяцев. Все эти восемь месяцев следствие представляет суду, и в общем всем, одну и ту же картинку: организованная группа совершила хищение денежных средств, выделенных на проект «Платформа».

Получается, что проекта «Платформа» как бы не было или он был в каком-то усеченном виде, но это, конечно, абсолютно не соответствует действительности. Нужно уметь не видеть очевидного. Проект «Платформа» был, было проведено 340 мероприятий за три года и три месяца, были тысячи зрителей, которые все это видели, все сфотографировано, зафиксировано, были сотни молодых и опытных артистов, музыкантов, танцоров, которые принимали участие в многочисленных оригинальных, то есть созданных с нуля, постановках. Фактически был создан стационарный театр, который действовал более трех лет. Поэтому утверждать, что Российской Федерации был причинен какой-то мифический ущерб просто невозможно, цинично, бредово, абсурдно. Российская Федерация, зрители, люди искусства, получили исполненный в общем-то на высшем художественном уровне проект по развитию современного искусства, которым я лично очень горжусь.

Следствие не разобралось и не пыталось разобраться, а потому явно заблуждается, когда говорит о том, что наличные денежные средства, которые находились в кассе «Седьмой студии», обращались мною и иными лицами в свою личную пользу и использовались по личному усмотрению. Ни одной копейки, кроме положенной мне заработной платы и гонораров за конкретные постановки, я не получал. Я неоднократно

[об этом] заявлял. Я неоднократно просил показать мне хоть одно доказательство того, что я в личных целях использовал денежные средства, выделенные на проект «Платформа». Таких доказательств нет и быть не может. Следствие не предоставляет доказательства об этом в суд — в материалах, представленных вам, ваша честь, таких доказательств нет в течение всех этих восьми месяцев.

Опять же про имущество. У меня нет никакого имущества, которое бы я приобрел во время работы проекта «Платформа». Все, в том числе высшие должностные лица, явно введенные в заблуждение, говорят о квартире, которую я приобрел в Берлине в 2012 году. Хочу, чтобы все понимали: денежные средства на эту квартиру я копил в течение многих четырех-пяти лет — об этом есть абсолютно неопровержимые доказательства, полученные нами из Сбербанка РФ. В соответствии с этим документом, который нам дали 23 декабря 2008 года, то есть за три года до «Платформы», я открыл счет в Сбербанке, на котором были уже размещены 173 тысячи евро личных сбережений, призовые [нрзбр] за разные фестивали. В течение оставшихся лет, до 15 октября 2011 года, то есть до получения денежных средств от государства на проект «Платформы», я накопил сумму в 301 тысячу евро, и 24 мая 2012 года я всю эту сумму перечислил за квартиру в Берлине. Это невозможно

опровергнуть. Это документ — справка Сбербанка. Поэтому прошу всех понять, что денежные средства на квартиру в Берлине — это мои личные накопления за многие годы достаточно тяжелой работы, а не якобы похищенные денежные средства. Я прошу и требую, раз уж меня обвиняют в хищении денежных средств, показать мне хоть одно доказательство того, что я незаконно изымал денежные средства, полученные для проекта «Платформа», и использовал их в личных целях.

Следствие говорит о каком-то моем личном усмотрении при использовании денежных средств, использовании денежных средств не на цели, связанные с реализацией соглашений о предоставлении субсидий. Покажите суду и мне эти доказательства. Их просто нет. Усмотрение мое и моих коллег по проекту было только одно — использовать все денежные средства максимально экономно и исключительно на проект «Платформ». Об этом очень подробно рассказала генеральный продюсер [Екатерина] Воронова — незаконно обвиненная, как и все мы, в хищениях. Однако, как мне представляется, ее текст у следствия никакого интереса не вызвал. Это говорит исключительно о нежелании следствия в чем-то разбираться и о том, что у следствия есть только одна цель — незаконно обвинить нас в совершении преступления.

Как этого добивается следствие? Очень просто — оно не слушает ни меня, ни других лиц, работавших

на «Платформе», никого, кроме Масляевой. Меньше всего мне хочется кого-то обвинять, но именно Масляева, оговаривая нас, является для следствия лучшим другом и источником информации. Ложной информации. Но следствию именно это и надо. Следствие не хочет ни с чем разбираться. Следствие верит вранью ранее судимого человека. Следствие имеет только одну цель — любыми средствами сделать нас виноватыми. Это ясно всем здравомыслящим людям уже сейчас и, если это дело дойдет до суда, станет ясно и всему обществу, всему миру. У меня нет сомнений, что если дело дойдет до суда, то сотни зрителей и участников «Платформы», не только из России, но и из других стран, придут в суд и расскажут, что и как на «Платформе» происходило.

А вот следствию не интересно, что такое «Платформа» и что на ней было, сколько мы провели спектаклей, выпустили оригинальных постановок, провели концертов и медиафестивалей и, главное, сколько «Седьмая студия» потратила на это денежных средств. Об этом меня, честно говоря, даже ни разу не спрашивали. Не важно им это все. Потому что они прекрасно понимают, что, только начав разбираться с этими вопросами, они получат сразу несколько однозначных ответов:

— «Платформа» была и на ней было в общей сложности 340 представлений за эти годы;

— мероприятия «Платформы» в большинстве случаев создавались с нуля, то есть это оригинальные мероприятия, и на них тратились денежные средства, которые выделяло государство.

— стоимость этих мероприятий является абсолютно вменяемой и складывалась из расходов на создание площадки «Платформы», из расходов на содержание персонала «Платформы» — а это около 60 человек. Это практически целая труппа, техники и много других людей.

Покажите мне эти мероприятия, сведения о стоимости которых якобы завышены или которых не было. Просто покажите. И генеральные продюсеры, и я, и люди, которые делали этим мероприятия, вам, следствию, все объяснят. Но это не интересует никого. Достаточно Масляевой с ее откровенным враньем.

В ходатайстве следствие указывает, что мы похитили якобы 68 миллионов рублей. Однако 10 января мне предъявили новое обвинение, и там уже другая сумма — 133 миллиона рублей. У меня не было возможности изучить это обвинение, достаточно абсурдное, нам не дали возможности подготовить свои показания.

Да они и не очень интересны никому. Но мы все равно эти показания подготовим и, конечно же, дадим.

Мы заявим соответствующее ходатайство и посмотрим, удовлетворит ли его следствие. У меня в этом, честно

говоря, есть большие сомнения. Сумма якобы похищенных денег — 133 миллиона — вообще абсурдна, потому что следующий шаг — это 210 миллионов рублей. Для всех людей, хоть как-то занимающихся производством событий, — это абсурд. Получается, мы все украли, а оно как бы происходило само собой, бесплатно.

Вот следствие пишет, что оно неоднократно меня допрашивало. Я могу сказать, что это не соответствует действительности. То есть допросы были, но то, о чем меня спрашивали, не имеет никакого отношения к расследованию данного дела. Более того, это какой-то все фарс откровенный. Я вам расскажу, ваша честь, как это происходило. Это были допросы только для того, чтобы потом вам написать: мы неоднократно допросили Серебренникова.

Меня допрашивали четыре раза — 10 ноября, 21 декабря, 27 декабря, 30 декабря. 10 января 2018 года мне просто не дали времени подготовиться и 12-го объявили о том, что следствие окончено. Я хочу, чтобы вы, ваша честь, и все заинтересованные в деле лица знали, о чем были эти очень краткие допросы:

— 10 ноября 2017 года мне был задан один вопрос, посещал ли я фестиваль Балтийский дом в 2010-2011 году; я ответил, что надо открыть программу, и если там моих спектаклей нет, то не посещал.

Следователь открыл при мне интернет (*смех в зале*), посмотрел, подтвердил, что [моих] спектаклей в программе нет, на этом допрос закончен.

— 21 декабря 2017 года мне показывали переписку разных лиц и просили ее прокомментировать, что я спокойно и с удовольствием сделал. То есть меня не спрашивали о фактах, меня просили комментарии, причем в большинстве [случаев] не в моей переписке, которая не содержала ничего кроме как обсуждения проектов и их финансирования.

— 27 декабря 2017, и тут я останавлиюсь подробнее. Меня спросили, а почему это я обратился к президенту с идеей проекта «Платформа» и кто мне это посоветовал (*смех в зале*). Наверное, хотели как-то выяснить, кто же этот советчик, и тоже его привлечь к ответственности.

Я ответил, что президент — это самый главный человек в стране, поэтому все, в том числе то, что связано с развитием творчества, это в ведомстве президента.

Меня спросили, а что входит в обязанности режиссера, я ответил на это — быть гениальным (*смех в зале*), зажигать людей вокруг себя, выпустить талантливый спектакль. На этом допрос закончился.

— 30 декабря 2017 я опять комментировал переписку различных лиц, в том числе и свою. И касалась эта переписка не хищения, а организации проекта «Платформа», мероприятий на проекте. Это было

очевидно и самим следователям. Но в общем это их не интересует.

Следствие окончено, но в ходатайстве следователи все еще пишут о том, что им нужно сделать — им надо выделить дело в отношении Масляевой, предъявить мне обвинение, ознакомить с делом. В этой связи несколько замечаний.

Если следствие так уверено в своей правоте, в доказанности обвинения, то чего оно прячет Масляеву от суда с нами — чего оно боится? Вот сегодня Масляевой тоже в зале суда нет. Не будет ее и в суде, если это нелепое дело дойдет до суда. Ее уже один раз судили, где она также призналась. Теперь будут судить второй раз. Оговорив нас, она вымолила себе возможно минимальное наказание. Она сама на очной ставке со мной призналась, что украла пять миллионов рублей. Но она украла их не у государства. Она украла их у «Седьмой Студии», она украла их у проекта «Платформа», где работала бухгалтером. Но верят ей, а тем, кто занимался непосредственно «Платформой», не верят.

Я согласен, что деятельность Масляевой можно оценивать как угодно. Нарушения в бухгалтерии можно расценивать тоже как угодно — как уклонение от налогов, как бестолковость Масляевой, как финансовые нарушения, но эти нарушения

в бухгалтерии — не есть хищение. Мы, люди, которые делали проект, художественные работники, ничего не похищали и не действовали из каких-то корыстных побуждений.

Я по-человечески не могу понять, как можно оговаривать невиновных людей, оговаривать себя, тем более в ситуации, когда никакого преступления не было.

Новое обвинение мне уже предъявили — абсурда стало больше, и мы будем требовать моего допроса по предъявленному новому обвинению. Мне нечего здесь абсолютно бояться и нечего скрывать.

Я рассказывал правду с самого начала, с самого первого дня. Эта правда известна всем, и в этой правде просто надо было разобраться. И я в этом разбирательстве был тоже максимально заинтересован. Уверен, что все мои товарищи делали то же самое.

Нас вот-вот начнут знакомить с делом. Уже сейчас я хочу заявить о том, что мы будем знакомиться со всеми материалами дела, со всеми аудио- и видеозаписями, со всеми приложениями к экспертизам, со всеми вещественными доказательствами. Мы не будем ничего затягивать, мы будем честно готовиться к своей защите. И у меня нет ни малейшего сомнения в том, что мы докажем свою правоту.

Ваша честь, вы знаете, я хочу сказать, у меня даже нет никаких просьб к вам в связи с этим ходатайством

следствия о продлении срока домашнего ареста. Этот арест незаконен, незаконным будет его продление, если вы примите такое решение. Незаконно все, что происходит эти восемь месяцев.

Заканчивая, хочу сказать, что я, конечно же, не создавал — там написано, что я главный создатель преступной группы, — никакой преступной группы. Я создавал проект «Платформа». Те, кто занимался творчеством на этом проекте, только им и занимались. Мы делали спектакли, концерты, медиафестивали и выпускали их.

Этот проект был очень успешным и создал хорошую репутацию России как страны, где придумывается что-то новое, необычное, творческое. «Платформа» стала важной вехой для сотен молодых художников и для тысяч молодых зрителей, и мы не сделали государству ничего плохого. Я не думал, что когда-нибудь услышу, что наш проект назовут преступной группой. Так преступниками можно объявить кого угодно — было бы желание — хоть людей, собравшихся попить чай, хоть следственную группу, которая расследовала это дело.